Глава 208: Императорский Указ; Допуск

Оглашение очередного Императорского Указа поразило толпу. Глядя на Ван Хуна, они не могли не подумать: "Ван Хуна действительно не обмануть. Фальшивый указ он явно узнает с первого взгляда."

Вскоре они подумали: "Неужели небожитель Ван Хун действительно убил кого-то на публике?!"

Под склоном горы приближались шаги и барабанный бой.

Взглянув на Чэн Жуна, Ван Хун вышел в перед.

Чэнь Жун быстро последовал за ним. Вскоре он догнал его – даже если бы он успел вовремя уклониться, его белая мантия все равно была испачкана кровью, и ее лучше было спрятать.

К пятидесятому шагу или около того появилась группа, похожая на предыдущую.

Возглавлял процессию евнух лет сорока, увидев Чэнь Жуна он прищурился.

Позади него действительно стоял небожитель Лан'я Ван Ци.

После короткого взгляда он снова обратил свое внимание на Чэнь Жуна, который продолжал стоять в поклоне.

— Насколько я понимаю, ты Цзышуе Бисе ЦзыЮнь? — спросил он высоким голосом.

— Верно, — ответил Чэнь Жун.

—Бисе ЦзыЮнь, приготовься принять Указ Его Величества, — с кивком сказал он.

Чэнь Жун быстро поклонился.

Еще раз оглядев его евнух развернул указ и обратившись к Чэнь Жуну, начал зачитывать его:

— По мнению Его Величества, Ты обладаешь образцовым умом и талантами, хотя и являешься сыном наложницы. В деле сопротивления Ху ты оказал достойную службу, заслуживающую признания со стороны всех граждан Цзинь.

После этих слов Чэнь Жун на него пристально посмотрел.

Мало того, что этот указ являлся чрезмерно хвалебным и противоречил предыдущему. И, что более важно, так ли он хорош?

На самом деле, не только он, но и притихшие люди на заднем плане пересматривались: это не та похвала, которой обычно удостаивают монаха. И ладно, хвалить его храбрость – прекрасно, но это звучит довольно странно для Служителя Неба, основавшего монашеский орден.

— По приказу Его Величества Императора, — продолжал читать указ евнух, — Цзышуе Бисе ЦзыЮнь настоящим присваивается титул Достойного и Добродетельного Жреца. Он поведет пять тысяч воинов и встретится с Северным Героем вместо Его Величества, — В этот момент, среди шепотков, он наклонился к Чэнь Жуну и прошептал, — Северный Герой – твой знакомый. Я уверен, ты будешь рад его видеть.

С какой стати ему быть счастливым!?

В груди Чэн Жуна на мгновение вспыхнул гнев.

Закусив губу, он с негодованием подумал: "Все преданные мужчины в мире достойны уважения. Двор добавляет смешной титул: "достойный и добродетельный" перед моим даосским именем и фактически говорит мне стать послом. Неужели они пытаются унизить генерала? Как это бесит! Если Северный Герой действительно Жань Минь, с подобным позором он не станет мириться. Как двор может перевернуть понятия правильного и неправильного?"

Пока Чэнь Жун краснел от гнева, он вдруг заметил у евнуха и людей позади него насмешливые взгляды.

Его будто бы окатило ледяной водой от этих насмешливых взглядов, заставив очнуться. У Чэнь Жуна вдруг прояснилось в голове: "Нет, мне нельзя сердится. В Цзянькане нельзя обсуждать политику и войну. Тут даже осмелились отправить фальшивый указ от лица императора, и никто не вступится за меня в таких делах."

"Это потому, что правило не обсуждать политику и войну было консенсусом, достигнутым между всеми кланами и королевской семьей."

Несмотря на ясную голову, лицо Чэнь Жуна все еще пылало от гнева.

Евнух средних лет закричал на разъяренного Чэнь Жуна:

— Почему ты сердишься, Служитель Неба? Разве ты не хочешь?

Его голос звучал вызывающе, как будто он хотел вызвать его гнев.

Чэнь Жун опустил глаза.

— Я стал монахом, потому что меня пугает кровь, мое сердце не может быть спокойным, — ответил он, отступив. — Я не смею принять эпитеты "Достойный" и "Добродетельный". Я прошу Его Величество отозвать свой указ, — послушно подняв руки, сказал он со всей серьезностью.

Он склонил голову и отступил.

— Ты отказываешься от указа Его Величества? — в гневе закричал он.

В его голосе прозвучала угроза.

— Поскольку я не принадлежу к светскому миру, я не подчиняюсь этому указу, — просто ответил он, не поднимая головы.

— Как ты смеешь отказываться от императорского указа?

— Я не принадлежу к светскому миру, я ему не подчиняюсь.

— Это так, — добродушно рассмеялся евнух.

— Идем, — крикнул он, хлопнув своими рукавами.

По его приказу группа развернулась.

В этот момент от подножия горы опять послышалась барабанная музыка.

Мало кто из присутствующих был глуп. Услышав эту музыку, шушуканье, которое едва поднялось, снова затихло.

Чэнь Жун тоже поднял голову. Он посмотрел на подножие холма, заросшего густой листвой, и воскликнул:

— Есть ... еще один гонец?

Он инстинктивно оглянулся на Ван Хуна. Встретив его спокойную улыбку, он отвел взгляд: "Он выглядит задумчивым, похоже, он тоже что-то подозревает."

Поэтому он снова посмотрел на евнуха средних лет.

В этот момент он уводил дворцовых служанок и стражников прочь, его лицо было полно гнева и негодования.

— Безобразие, какое же безобразие, — раздраженно закричал он и хлопнул себя по рукаву, — Уходим!

Они быстро направились в сторону города и пронеслись мимо новой группы.

На мгновение обе группы прекратили бить в барабаны, но тут же возобновили, как обычно, и барабанная музыка продолжала звучать в горах.

Вскоре раздался знакомый пронзительный голос:

— Ты Цзышуе Бисе ЦзыЮнь ?

Этот высокий голос действительно принадлежал молодому евнуху, который проводил Чэнь Жуна во дворец на днях.

Увидев его знакомое лицо, Чэнь Жун с облегчением вздохнул, про себя подумав: "На этот раз это должно быть действительно от Его Величества".

— Верно, — ответил он поспешно, поднимая перед собой сложенные кулаки.

Молодой евнух кивнул. Он подошел к Чэнь Жуну и объявил:

— Цзышуе Бисе ЦзыЮнь, приготовься принять указ Его Величества.

Чэнь Жун опустился на колени, его сердце бешено колотилось. Под широкими рукавами он заломил руки и подумал: "Это же не будет очередным нелепым указом, который пытается причинить мне вред, не так ли?"

Молодой евнух развернул Императорский Указ и начал зачитывать:

— Цзышуе Бисе ЦзыЮнь, ранее известный в мире как Чэнь Жун.

Разве это звучит как официальный указ? Но эта фраза действительно могла исходить от Его Величества.

— Когда Мо'ян был осажден Ху, он сам бросил вызов опасности ради дружбы, — продолжал он. — Позже, когда Нань'ян был окружен, из города, заполненного мужчинами, только у этого мальчика хватило мужества вести наших людей, проливая кровь варваров. Я глубоко уважаю

все, сделанное им. Издревле одаренные юноши входили в офицерский состав, Глава династии Сыма превозносит за его добродетели. Сегодня мы благословлены этим Небожителем перед нами, открывшим загадку порталов и давшему доступ к Стене Сишань.

— Сим я назначаю этого своим Великим Управляющим, — голос евнуха повысился. — Он будет иметь звание специального советника по вопросам Порталов и Сишань. Подпись: Император.

Молодой евнух медленно свернул указ, добродушно улыбаясь застывшему Чэнь Жуну.

— Почему ты не принимаешь эдикт?

Чэнь Жун поднял глаза и подумал: "Как только я приму этот указ, у меня будет несколько мирных дней. За этим больше ничего не последует".

— Его верноподданный согласен, — ответил он с глубоким поклоном, прежде чем шагнуть вперед, чтобы принять указ.

Молодой евнух ЛаоГулунь улыбнулся, увидев, что он принял указ. Он наклонился, и подмигнул ему, прошептав:

— Его Величеству ты нравишься. С этой позицией тебе будет гораздо удобнее передвигаться.

Затем он взмахнул рукой и повел могучий отряд прочь.

Чэнь Жун стоял в лучах заходящего солнца и смотрел, как они удаляются.

Императорский Указ, полученный им, был не менее странным.

Мало того, что назначение монаха Великим Управляющим было неслыханно, даже чтение указа на полпути к Сишань было само по себе бессмысленно. И все же все три последовательных указа были преподнесены именно так. Очевидно, это была одна из тех шуток, которые по слухам так любил устраивать молодой Император.

К тому времени, когда группа полностью скрылась из виду, зрители продолжали стоять.

Чэнь Жун медленно повернулся и посмотрел себе за спину.

Он не видел Ван Хуна.

Он подошел к своему шицзюй. За его спиной люди начали показывать пальцами:

— Боже мой, три указа подряд!

— Я подожду еще немного, может, придет еще кто-нибудь.

— Безумие, это же полное безумие!

— Ты видел? Чтобы защитить его, Лан'я Ван Ци даже публично убил. Когда брызнула кровь, он не показал никаких эмоций… довольно устрашающе.

— Кто рискнул отправить фальшивые указы?

— На мой взгляд, Император назначил его Великим Управляющим, чтобы держать при себе. Тц тц, хорошо для неразборчивого в связях монаха. Он заставил его величество и Ван Ци драться из-за него, не обращая внимания на приличия.

Чэнь Жун ускорил шаг, чтобы оставить позади эти все более уродливые комментарии.

Вскоре он добрался до экипажей.

Он бросил взгляд на экипаж Ван Хуна и направился к своему.

Прежде чем он успел удалиться в него, раздался голос Ван Хуна:

—Чэнь Жун.

Он застыл.

Повернув голову, он немного поколебался, затем подошел к его экипажу, поднял занавеску и забрался внутрь.

Ван Хун откинулся на спинку кресла. Он не смотрел на него, рассеянно смотревшего на улицу.

— Что происходит, — спросил он шепотом, когда затрясся экипаж.

Ван Хун даже не обернулся. Через некоторое время он улыбнулся и сказал:

— Кто-то интригует.

Когда он, наконец, повернулся, чтобы взглянуть на Чэнь Жуна, он расхохотался. Сначала это был смех, но вскоре он перешел в хохот.

Он разносился далеко в ночном ветре, отдаваясь эхом в горах.

Тем временем им навстречу вышли люди из долины, определенно они собирались защищать его, потому что были при оружии. Они были здесь с тех пор, как появился первый указ, но до сих пор не осмеливались приблизиться. Но уже были готовы начать бунт.

Повозка миновала толпу и въехала в долину. Она остановилась только тогда, когда достигла подъемника, Чэнь Жун собирался им воспользоваться, да, обычно он этим не пользовался, следуя как и все пешком. Но сейчас на это не было сил. Он хотел только отдохнуть.

Ван Хун прекратил свой хохот и, выйдя из повозки, беспечно вошел на площадку лифта.

Чэнь Жун следовал за ним.

Деревянный помост подъемника был чистым и пустым, в нем почти ничего не было, кроме заготовок мебели, доставляемой по заказу.В эти времена большинство мебели было стационарным. Собственно, он первым придумал перемещать её в разобранном виде. Обычно столяр-мебельщик собирал её в мастерской и далее её перемещали так как есть, в готовом виде. Вот и теперь его масте, пользуясь его идеей доставлял изделия разобранными и собирал окончательно уже у заказчика.

Ван Хун вышел на середину площадки, затем остановился и медленно повернулся, посмотрев на Чэнь Жуна.

Красный ореол от долгого хохота все еще присутствовал на его лице, как полоска крови на нефрите.

Солнце садилось на западе; его свет просачивался сквозь листья лиан и растекался по его лицу.

В этот момент одиночество и отчаяние омрачили его поразительно красивое лицо.

В сверкающем свете его ясные и особенные глаза казались одновременно близкими и далекими, яркими и темными.

Он спокойно наблюдал за Чэнь Жуном. Это казалось очень трогательным. Похоже, он размышлял, но выглядел одиноким.

Чэнь Жун неторопливо к нему подошел.

— Цилан, что на самом деле произошло? — глядя на него снизу вверх, тихо спросил он.

Он уже во второй раз задавал этот вопрос.

— Думаю что это кто-то, воспользовался тем, что его величество пьян, скорее всего твои недруги из министерства, хотели тебя удалить от двора, — с улыбкой Ван Хун смотрел в окно.— в зависимости от их отношения был и метод удаления.

— После того, как Его Величество протрезвеет, он непременно разберется, — помолчав, добавил он.

В этот момент Чэнь Жун понял ситуацию.

Оказалось, что у Его Величества имеется такая дурная привычка. Это означало, что, пока он пьян, окружающие часто отдавали приказы от его имени. Указы в основном проверяли, глядя на печать – если есть печать, то он настоящий; не имеет значения, были ли слова написаны Императором или нет.

Видя, что он все понял, Ван Хун улыбнулся и снова посмотрел в окно.

Чэнь Жун наблюдал за ним и мысленно рассуждал: "Первый указ прямо утверждает, что мое общение с мужчинами подрывает авторитет Его Величества. Интересно, чья это была идея? Девятая Принцесса? Или это был дом Ван из Лан'я?"

"Во втором указе говорилось о присвоении мне титула Достойного и Добродетельного Бисе ЦзыЮнь . В нем также упоминался Жань Минь. Так чья же это была идея? Он знал, что такой указ не мог быть написан женщиной, похожей на Девятую Принцессу. У подобных ей не было таких способностей; они не могли знать, что Жань Минь приехал в Цзянькан."

"Что касается третьего указа, то, возможно, Император, после того, как протрезвел, осознал свою ошибку, поэтому он последовал за ними с другим указом, во-первых, чтобы спасти меня, а во-вторых, чтобы подтвердить свое абсурдное наследие."

Чэнь Жун вдруг рассмеялся и пробормотал:

— Великий Управляющий? Цилан Цилан, прошел всего один день, как Его Величество назначил меня Великим Управляющим.

Чем больше он думал об этом, тем больше ему хотелось смеяться.

Смех Чэнь Жуна заставил Ван Хуна очнуться.

Он медленно повернулся и посмотрел на него.

В отличие от юноши, он не выглядел счастливым. Его глаза оставались спокойными, наблюдая за его смехом. Его румянец давно сошел, сменившись холодностью на ужасно бледном лице.

— Теперь, когда ты стал Великим Управляющим, ты больше не будешь называть меня своим мужем, и я снова стану Циланом? — расплылся в улыбке он наконец.

Улыбка Чэнь Жуна медленно угасла. Он наклонил голову в сторону.

— Зачем спрашивать, если ты уже знаешь, Цилан?

Он обернулся, и взглянул на него, показав еще одну улыбку.

— Я не хочу называть тебя своим мужем.

Улыбка Ван Хуна стала жестче.

— Прошло совсем немного времени с тех пор, как ты называл меня своим мужем. Ты взял на себя инициативу пригласить меня и сказал, что готов стать моим катамитом. Но теперь ты говоришь, что это не то, чего ты хочешь. Ты очень жесток, А Жун.

Его улыбка была слабой, речь теплой и мягкой, а глаза ласковыми. Но его слова выдавали холодность. Хотя они слабые и легкие, каждое слово глубоко пронзало.

Чэнь Жун поднял на него взгляд.

Наконец он опустил глаза и с улыбкой произнес:

— Ты прекрасно знаешь, Цилан, — его голос был насмешлив, но в то же время серьезен, — Быть с тобой для меня гораздо страшнее смерти.

Ван Хун сжал губы в тонкую линию.

Чэнь Жун не обратил внимания на его холодность. Он протянул руку и нежно погладил его отвороты.

Когда его пальцы разгладили складки на его одежде, Чэнь Жун поднял к нему лицо и улыбнулся: —Разве ты не знаешь Цилан? Я слишком упрям, чтобы очнуться, как только попаду в ловушку навязчивой идеи.

— Каждый раз, когда я к тебе приближаюсь, то не смею дышать, — прижал он руку к груди. — Мне трудно дышать… Цилан, ты думаешь – страдания лучше смерти?

Его улыбка в золотом закате казалась ошеломляющей, любовь в его глазах была безграничной.

Ван Хун спокойно скрывал свою холодность под своей мягкостью, наблюдая за его улыбкой и глазами, и слушая его слова. Его сердитое сердце внезапно забилось сильнее.

Он инстинктивно потянулся к его руке.

Чэнь Жун, однако, грациозно отвернулся и направился в закат. Благо лифт уже принес их на плато.

В мгновение ока его фигуру окутал золотистый вечерний свет, ослепительно яркий и недосягаемый.

Он медленно шел к храму.

Глядя на горы вдалеке и постепенно заходящее солнце, Чэнь Жун спокойно и безразлично засмеялся.

— Я уверен, что в доме Ван Лан'я нет недостатка в необыкновенно красивых девушках. Теперь, когда я думаю об этом, как только ты развил осознание нужности и привлекательности противоположного пола, твоя семья, должно быть, позволила желанию твоего сердца остаться рядом с ними. И когда ты влюбился, они, должно быть, жестоко разрушили все, чтобы ты обнаружил, что такая женщина недостойна твоей любви... бьюсь об заклад, ни одна женщина в этом мире не может быть достойна твоей любви?

Он вдруг вернулся и улыбнулся, будто цветок.

— В тот день, когда я проснулся в твоей постели, я спросил тебя, женишься ли ты на мне. Ты ответил, что я все еще могу остаться твоим Благородным Наложником.

Чэнь Жун приблизился к нему, его фигура покачивалась в золотистом свете. Он улыбнулся ему и положил руку ему на грудь, мягко сказав:

— Хотя я и ожидал подобного ответа, только когда я действительно услышал твой ответ, я полностью понял, что у А Жуна из дома Чэнь никогда не будет больше, чем титул наложницы, который ты мне обещал. Ты просто хотел отплатить мне за то, что я рисковал жизнью с тобой в Мо'яне.

Он подошел к нему и обнял за шею, с улыбкой продолжая говорить:

— Для меня эта душевная боль – ничто. Сидеть в одиночестве ночь за ночью, пока не наступит рассвет, тоже ничто.

Губы Ван Хуна задрожали.

Чэнь Жун расплылся в улыбке, произнося каждое слово, твердые, будто камень или железо:

— Теперь ты знаешь. Даже если я снова полюблю тебя, я никогда не стану твоей игрушкой.

Он взял его руку и положил себе на грудь. Его глаза светились неземным нефритом, он выглядел будто божество.

— Цилан, даже когда я получил титул Великого Управляющего, я все равно останусь твоим любовником. Но я буду называть тебя так, как захочу, будь то Цилан, мой господин, или мой муж. Так что независимо от того, живем ли мы вместе или порознь, оставляешь ли ты меня или защищаешь, ты можешь делать все, что захочешь.

Он улыбнулся и скрылся за высокими воротами храма.

-oOo-

Ван Хун ударил кулаком в ладонь.

Этот омега каждый раз выскальзывал, когда он уже считал, что тот надежно влип. Он серьезно стал уже навязчивой идеей наследника Ван.

Ван Хун всегда был золотым ребенком с нефритовой ложкой во рту. Он был потомком прямой наследующей линии. С рождения его будущее было прописано. Он прекрасно обошелся бы из без магии. Но та внезапно пришла сама во время представления его родовому источнику. Неделя лихорадки расставила все по местам, хотя подробности главе рассказал приглашенный монах.

Именно его речи о совсем незнакомой ему форме одаренности и подвигли одаренного омегу заняться исследованиями. Он посещал монастыри и Храмы Неба в Горах, благо это ему было доступно и только приветствовалось для наследника царского рода.

Да, у него был аналитический склад ума, и он мог находить в древних и не очень, свитках на разных языках которые, кстати, пришлось изучить, малейшие упоминания особенностей данной одаренности, её возможностей, определения, достоинств и недостатков.

Однако по мере взросления, проблемы проявлялись все ярче: флер призывал сильных магов и демонических порождений, не единожды он становился объектом разборок и порой совсем нечеловеческих.

Да, и его влекло к сильным альфам. Причем в этой тяге внешность и даже человечность была делом десятым. Главным критерием привлекательности была сила. Лет в шестнадцать у него

был период сексуального гона, он постиг простейший и приятнейший способ повышения собственного уровня, но вскоре отказался от него, не желая зависеть от животного начала.

Но не все поклонники это приняли спокойно. Именно с тех времен его стал преследовать Мужун Кэ. Возможно, он и выбрал бы молодого князя в качестве своего избранника, его статус был никак не ниже, но тот был слишком большим собственником, желающим диктовать своему партнеру всё. От образа жизни до сексуальных поз. Причем Кэ был ненасытен, его культивация тоже была завязана на секс.

Но более прочего, Цилана раздражала красота альфы, совершенно не мужская, и где-то более яркая, чем красота самого Цилана, ему конечно помогал флер, но Кэ был красивее.

Тот сам бесился от подобного, потому что вид сурового воина ху никак не подразумевал столь утонченную андрогинную красоту, воспетую в Цинь.

Земли Лан Я были на центральных равнинах, и Цилан всерьез надеялся, что уж туда-то поклоннику хода нет. Но он ошибался.

Его отец, как и мать, лелеяли мечту о том, что он может взойти на трон как императриль. И об этом вел переговоры министр, узнав о том, что омега подрастает в Княжестве Ван.

Изначально он хотел, чтобы подросток стал супругом его марионеточного императора, но Цилан знал о судьбе предшественника. И сразу сказал, что этот император и министр уже прокляты и доживают последние годы. Поэтому родители переиграли переговоры на сына или дочь императора, мотивируя тем, что они более подходят по возрасту и предпочитая оставить наследника у себя.

Фэн хитрил и пытался давить, намекая, что князья Жань плохо кончили, когда стали упорствовать. А место князя долго пустым не останется. На место Жань быстро пришли Жуань.

- Однако царственными они уже не стали, — отвечали им Ван. И северная граница фактически открыта благодаря интригам Фэн.

Ван могли себе позволить пререкаться со всесильным министром. Их клан фактически не был представлен во дворце, но руку на пульсе дворцовых событий они держали трепетно и неумолимо. Фэн же понимал, что скопленная мощь Ван опасна для престола и самих Фэн.

Поскольку именно Ван первая династия, которая может сменить Сыма на шатающимся под ними троне. Да, Фэн балансировал, избегая гражданской войны, и выторговывал лояльность остальных царственных князей, но уничтожения Жань ему не простили. И Фен скрипел зубами, рассчитывая всех князей прижать к ногтю, однако такое было изначально сомнительно, поскольку Сыма лишились дара. Что указывало на явное недовольство небес.

Такие разговоры жестко пресекались, однако чем больше пресекались, тем больше бродило

слухов, что Фэн станут виновниками гибели империи. И откуда только слухи рождались…Однако поговаривали, что Фэн убили истинную императрицу, тяжелую наследником, чтобы возвести на престол свою ставленницу, родившую бездаря. Смотрящего в рот министру.

И словно начало бедствий от империи отколись Шу, объявив, что подчиняться бездари на троне не собираются, поскольку это нарушает изначальный закон империи. Подобное было вроде бы осуждено, но ДаГу тоже перестали появляться в столице, сетуя на нехватку силы для работы храмового портала. Ну да тем проще, их от империи фактически непроходимый горный хребет отделяет.

Жуань, не получившие статуса «царственных», ибо для этого были нужны одаренные в членах рода, удалились, придерживаясь невмешательства. А фактически Фэну было дано понять, что тот обещал за уничтожение Жань титулы, но не дал. И Фэн ничего не мог сделать, подобные титулы должны быть одобрены большинством из двенадцати царственных родов Даосов. В случае равных голосов последний голос принадлежал лично императору. Но до этого не дошло. Одиннадцать князей дружно отвергли Жуань, ссылаясь на отсутствие дара в роду.

Фэн же увидел в этом прямой намек на императорскую династию, которая некоторым образом уже была частью его собственного клана. Он не видел прока в одаренности. Ну, живут такие люди дольше, могут что-то там сотворить… что вполне можно получить, используя артефакты. Место одаренных — монастыри,… где те и должны производить эти артефакты на благо империи (считай министра Фэна) Фэн ненавидел одаренных.. Поскольку в его роду таких не было, что не позволяло подняться ему в ваны, несмотря на все связи и династические браки членов его семьи.

Даже если он выпишет себе такой указ с печатью императора-внука, то Храм Неба его всяко не примет. Тот просто сгорит.

Из-за той самой магии.

Так что Ван Хун прекрасно видел пляски министра. Тот хотел заполучить в род одаренного. Но вот Ван Хун улучшать евгенику клана министра не собирался. И сам подкинул своему Главе идею о возможной смене династии. В их роду он был не единственным одаренным, но единственным — омегой, даннэ.

А потом темным демоном на горизонте возник

почти легендарный принц Мо. Он поистине знал об омегах более других. Но кое-что, найденное Циланом и ему было в новинку. Природа принца тоже долго тайной не была, кто бы смог противостоять омеге в силе?

Цилан путешествовал по всей империи, разбивая сердца, но свое оставляя свободным. Чтобы встретить А Жуна. Изначально тот показался выгодным приобретением для рода.

Но потом вдруг пробудилась собственническая жилка.

И начались мучения.

Сейчас же ему следовало навестить императора и принца, чтобы те, наконец разобрались с государственной печатью, которой пользуются все, кому не лень. И наверняка Чжана ожидала изрядная головомойка от Миня, поскольку тут была затронута безопасность императриля.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/1285/36258